

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВЫХ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ЭТНОСОВ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Е.В. Шумакова

THE CULTURAL INTERACTION
OF NOMADIC AND AGRICULTURAL
NATIONS OF THE STEPPE
PRE-CAUCASUS IN THE 19-TH - THE
BEGINNING OF 20-TH CENTURIES

Shumakova E.V.

The paper views the History of cultural exchange zones and contacts between the nomadic peoples of the steppe Ciscaucasia, migrated East – Slavs and representatives of ethnic groups. Change of economic and cultural forms of a life of steppe peoples, transformation of spatial images in culture of East European immigrants have not led to unification of cultures.

В статье рассматривается история зон культурного обмена и контактов между кочевыми народами степного Предкавказья и мигрировавшими представителями восточнославянских этносов в XIX – начале XX вв. Изменение хозяйственных и культурных форм быта степных народов, трансформация пространственных образов в культуре восточноевропейских переселенцев не привели к унификации культур.

УДК 63.3.(235.7)5

Современная гуманитаристика обращает все большее внимание на феномен «культуры многообразия». Сегодня историография действительно стремится представить истории больших и малых регионов мира как истории «многоликие», истории мультикультурные. Проводимая в этом направлении работа научно-образовательного центра «Новая локальная история» Ставропольского государственного университета и Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева позволяет исследователям концентрировать внимание на культурной множественности объектов локальной истории.

Степное Предкавказье – регион, заслуживающий особого внимания со стороны исследователей новой локальной истории. На его территории с конца XVIII столетия происходило социокультурное взаимодействие земледельческих и степных этносов, активные контакты, совершавшиеся между ними, способствовали формированию своеобразных типов хозяйствования и быта. Долгое время в работах, посвященных степному Предкавказью и Северному Кавказу, основное внимание уделялось лишь истории отдельных коренных народов и колонизации региона русскими и украинскими переселенцами. Сейчас в качестве объекта изучения выступают зоны культурного обмена между коренными жителями региона и мигрировавшими представителями восточнославянских и других этносов.

В связи с этим представляется важным исследовать опыт культурного взаимодействия земледельческих и степных этносов Ставрополья. Данный процесс, происходивший на протяжении всего XIX века, не привел к ассимиляции одних народов другими, а способствовал взаимообогащению культур. Переход степняков к оседлости способствовал усилению культурных связей с восточнославянским населением, более интенсивными стали заимствования и в сфере быта. Данному вопросу следует уделить особое внимание, поскольку он ярко отражает сближение двух культур. Культурному взаимодействию способствовало и развитие светских школ у кочевого населения, именно посредством таких учебных заведений степняки и представители русского и украинского крестьянства имели возможность ближе знакомиться с обычаями и традициями друг друга.

Основным фактором, оказавшим влияние на изменение вековых устоев кочевого образа жизни степных народов, была колонизация степного Предкавказья восточнославянскими переселенцами. Быстрое заселение ставропольских степей русскими и украинскими крестьянами, усиленная распашка земель ограничивали возможности степняков в прежних масштабах заниматься кочевым скотоводством, создавшиеся условия вынуждали их переходить к оседлости и осваивать земледелие. Восточнославянские переселенцы также приспособившись к новым условиям, усваивали некоторые традиции коренных народов. Благодаря этому сформировались своеобразные особенности культуры и быта земледельческих и степных этносов, проживающих на территории степного Предкавказья.

Переходя к оседлости, кочевники перенимали особенности быта русских и украинских крестьян. Степняки воспринимали навыки домостроительства у восточнославянского населения, особенно станичных казаков, а также русских поселенцев в ногайской степи (5, с. 60). Одним из начальных типов оседлого жилища степных народов была землянка, впоследствии ими было освоено строительство домов из саманного

кирпича, так как к середине XIX в., леса на Ставрополье были истреблены и древесина стоила дорого.

Первоначально для кочевников, отказавшихся от кочевой жизни, по указу местной администрации строились дома. Однако степняки по-прежнему предпочитали жить в юртах. Например, в туркменских аулах юрта часто стояла рядом с саманным домом. Из-за невнимания к постоянному жилищу, отсутствия ремонта постройки разрушались, и туркмены превращали их в помещения для скота (7, с. 124). Подобная же ситуация складывалась в ногайских и калмыцких поселениях. По свидетельству Я.П. Дубровы, у калмыков «во дворе, где стоял прекрасный дом, ставилась кибитка, в которой продолжала жить семья» (6, с. 48). Таким образом, степняки отвыкали от традиционного жилища постепенно в течение продолжительного времени. Несмотря на наличие домов, кибитки сохранялись у многих семей. Вместе с тем у степных народов уже в начале XX века появляются добротные крепкие дома из сырцового кирпича и тесанного камня. Очень показательны, что если первоначально кочевники пользовались услугами русских и украинских мастеров, то впоследствии они и сами освоили технику строительства саманных домов.

Первоначально внутреннее убранство домов степняков полностью соответствовало содержанию кибитки. В конце XIX века, с ростом товарно-денежных отношений, к кочевникам все больше стали проникать товары фабрично-заводского производства, используемые в повседневном обиходе славянским населением. Прежде всего, это отразилось на убранстве оседлого жилища и одежде степняков. Как замечает современник С.В. Фарфоровский, «у некоторых ногайских богачей и у имевших связи с русскими можно найти самовар-чайник и стаканы для русского чая» (13, с. 17).

Предметы быта фабричного производства имели возможность приобрести только состоятельные представители кочевого населения. Но и у них первоначально они не находили должного применения, а являлись скорее символом достатка. Н. Нефедьев, пу-

тешествовавший по калмыцкой степи и имевший возможность наблюдать за особенностями быта, в том числе кочевой знати, также отмечал неумение кочевников пользоваться, например, самоваром. Он писал: «...большие хлопоты служителей около самовара, покрытого ржавчиной, показывали едва ли не первое еще здесь употребление сего премудрого сосуда» (10, с. 177). Но уже в конце XIX в. с переходом степняков к оседлости старый кухонный инвентарь начинает вытесняться обычной городской посудой. Таким образом, попадавшие к кочевникам предметы обихода восточнославянских переселенцев первоначально практически не использовались по своему прямому назначению, так как степняки не испытывали в них особой необходимости. Они служили лишь элементами престижа, поскольку были довольно дороги для рядового степняка. Впоследствии, с более прочным освоением оседлого быта степными народами перенимаемые у славянского населения элементы материальной культуры, в частности предметы обихода, находят свое применение в быту степняков, так как становятся востребованы новой бытовой практикой.

В процессе культурного взаимодействия обогатился новыми элементами комплекс одежды земледельческого и степного населения Ставропольской губернии. В конце XIX – начале XX вв. степные народы более активно начинают заимствовать элементы костюма у восточнославянских переселенцев. Так, уже в начале XX столетия все виды легкой одежды степняки изготавливали, как правило, из фабричных тканей, которые постепенно вытесняли материалы домашнего производства (15, с. 135). Кроме того, они начинают приобретать и готовую одежду, в частности рубахи с прямым и косым разрезом у ворота (5, с. 108). Некоторые элементы костюма, заимствованные у крестьян, например, фуражка, являлись для кочевников предметом особого шика, подобный головной убор могли себе позволить лишь состоятельные степняки. На это обратил внимание И.В. Бентковский, написавший: «... наши фуражки начали появляться у калмыков. Но это принадлежность франтовства некоторых

из зажиточных франтов, с удовольствием щеголяющих в синей фуражке с красным околышем» (4, с. 130).

Значительно пополнился и комплекс зимней одежды степняков. Среди ногайцев в конце XIX в. появляются русские шубы с отрезной талией (орус тон). Как показывает само название, они, по всей вероятности, первоначально проникли в степь в готовом виде и постепенно такого же фасона шубы стали шить сами ногайские женщины (5, с. 109-110). Шубы подобного покроя были распространены и среди калмыков. В зимней одежде степняков также были в наличии овчинные не крытые тулупы прямого покроя, сшитые мехом внутрь, с длинными рукавами. То, что они были заимствованы у соседнего восточнославянского населения, свидетельствуют их покрой и однотипность. В начале XX столетия у степняков стали распространяться купленные у русских валенки. Они приобретали их на базарах и ярмарках, или же валенки изготавливались из материала заказчика русскими мастерами (15, с. 154).

Но тем не менее, необходимо отметить, что к началу XX в. комплекс одежды степных народов не претерпел кардинальных изменений. Традиционная одежда сохранялась у всех слоев общества, особенно у женщин, стойко придерживавшихся старых обычаев и традиций.

В результате культурного взаимодействия русского и украинского крестьянства со степняками в костюме славянских этносов также появляются новые элементы. Так, восточнославянские переселенцы заимствовали у соседних кочевых народов овчинные штаны, сшитые шерстью во внутрь, которые носили во время сильных морозов, а также меховые шапки малахаи (9, с. 91-93). По свидетельству Я.П. Дубровы, шапки национального калмыцкого покроя были позаимствованы как образец «... для наших почтовых ямщиков и кучеров и сделались обязательной форменной принадлежностью последних» (6, с. 55). К концу XIX в. у крестьянского населения Ставропольской губернии сложился единый комплекс одежды, который был практически одинаков в селах,

заселенных, как русскими, так и украинскими переселенцами. В крестьянский костюм прочно вошли элементы одежды, заимствованные у местных народов.

Значительно обогащался и пищевой рацион степняков и крестьянства. Так, калмыцкий чай, активно употребляемый в пищу всеми кочевниками, впоследствии стал употребляться и в восточнославянских семьях. По свидетельству современника: «Чай калмыцкий, в существе дела, есть не напиток, а пища. К употреблению его привыкли не только наши крестьяне, но и деревенская интеллигенция, сиречь купцы, писари и духовенство» (16, с. 57). Напротив, степняки, наряду с калмыцким чаем, стали употреблять русский чай с сахаром, кофе, какао. Основные блюда пищевого рациона степных народов готовились из мяса и молока – продуктов, полученных от скотоводческого хозяйства. В конце XIX – начале XX вв. под влиянием русского населения большое распространение среди степняков получили различные сорта каш, особенно пшенная, а затем рисовая, манная, гречневая (15, с. 160-172). Общение с восточнославянским населением усилило потребление степняками хлеба и мучных блюд. В частности, у туркмен получил распространение пресный, испеченный на опаре хлеб «орус этмен» (русский хлеб). В результате этнокультурных контактов пищевой рацион степных народов стал более разнообразным.

Таким образом, вследствие культурного взаимодействия земледельческих и степных этносов Ставропольской губернии происходил процесс взаимообогащения культур. Изменение образа жизни степных народов, переход к оседлости не привели к ассимиляции степняков славянским населением, их культура сохранила свою самобытность. Степным народам, с одной стороны, было свойственно сохранение основных базовых форм культуры, которые, в немалой степени укреплялись социокультурной обстановкой, характеризующейся усилившимся, нередко агрессивным, влиянием инокультурного христианского окружения. С другой стороны, последнее обстоятельство способствовало появлению большого спек-

тра заимствований, которые, как правило, занимали культурные ниши, возникающие при изменении традиционных форм жизнедеятельности степного сообщества, либо наслаивались на традиционную культуру, частично вытесняя ее формы, заменяя их элементами славянской культуры.

К русской духовной культуре степняки приобщались через школу. Открытие школ в приставствах кочевников было связано со значительными трудностями и на первоначальном этапе в этом направлении не удавалось достигнуть значительных результатов. Политика Империи была направлена на изменение жизненных устоев степных народов. В историко-культурном представлении российского общества со второй половины XVIII в. укоренялись универсалии «стадиального развития» и «прогресса», манифестируемые наукой, периодической печатью и образованием. Поэтому считалось, что кочевники находились на более низкой ступени развития, нежели окружавшее их славянское население. Российская печать и интеллигенция пропагандировали «цивилизаторскую» миссию по отношению к «диким» народам Северного Кавказа (8). По мнению властей, «инородцы» должны были достигнуть «уровня развития» европейского оседлого населения, стать полноценными представителями Империи.

Открытие светских школ у степных народов могло активно способствовать достижению этой цели. Как писал современник, «...инороднические школы могут послужить достижению главной и важнейшей цели – христианского просвещения инородцев и усвоения ими русского языка, т.е. полного их обрусения» (14, с. 267). Однако в середине XIX в., когда начался активный процесс оседания кочевников на землю, бытовало представление, что знакомство их с русской грамотой пока преждевременно и они должны больше осваивать навыки ведения земледельческого быта.

И.В. Бентковский об этом писал так: «Народу, так сказать, только вчера вышедшему из состояния номадов, более нужны знания, необходимые в их новом быту, как, например, столярное, кузнечное, чем знание

русской грамоты, которую поэтому, на первых порах смело можно отнести на второй план» (3, с. 3). Подобное отношение было одним из сдерживающих факторов открытия светских школ у кочевого населения. Отсутствовало и стремление самих кочевников обучаться в русских школах, поскольку светское образование было несвойственно восточным культурам, и в этот период у них еще не возникало острой необходимости в знании русской грамоты.

Первая школа для кочевых народов Ставропольской губернии была открыта при ставке Большедербетовского улуса в мае 1866 года. Надо отметить, что после ее открытия организации самого учебного процесса не было уделено должного внимания. Помещение для учебного заведения было отведено в полуразрушенных зданиях улусной ставки, не существовало и определенной программы учебных занятий. С июня 1866 года в этом учебном заведении преподавал священник А. Сократов из соседнего с улусной ставкой села Ивановского. Он не знал калмыцкого языка, что, безусловно, затрудняло учебный процесс. Решение проблемы он видел в соединении улусной школы с русской церковно-приходской школой села Ивановского, находившейся в его ведении. По его мнению, обучение калмычат с русскими учениками должно было способствовать лучшему усвоению ими русского языка. В 1870 году произошло слияние этих двух учебных заведений. Однако это не привело к значительным изменениям в деле обучения калмыков.

Практически одновременно с учреждением школы для калмыков возникла и школа для ногайцев Ачикулакского приставства. При открытии данного учебного заведения столкнулись с теми же самыми трудностями, что и в Большедербетовском улусе, просуществовала эта школа не долго и была закрыта в 1874 году. Первый неудачный опыт открытия светских школ для кочевников Ставропольской губернии можно объяснить недостаточным вниманием властей к этому вопросу. Отсутствовало, прежде всего, стремление администрации организовать обучение на должном уровне, а

неудачи списывались лишь на неспособность и нежелание детей «инородцев» учиться (1, с. 2).

Еще одна школа была открыта при ставке Туркменского приставства. В отличие от вышеперечисленных учебных заведений, она была более успешной, ее открытие произошло в 1867 году. Первоначально ее ученики также не проявляли особых успехов в учебе. Но с 1876 года учебно-воспитательный процесс в школе, по свидетельству туркменского пристава, пошел успешнее. Связано это было с приходом нового учителя Филиппа Гаврилова. По отзывам современников, он свободно владел туркменским языком, обладал запасом общенаучных знаний, также у него было стремление и желание работать с детьми (2, с. 2). Очевидно, это способствовало успехам в обучении кочевников. Стремление туркмен обучаться русской грамоте вызвало необходимость открытия в Туркменском приставстве новых учебных заведений. В начале XX столетия количество школ у туркмен резко возросло. Так, в докладе главного пристава кочующих народов ставропольскому губернатору отмечалось: «...наиболее интенсивное размножение одноклассных училищ относится к 1906 году, когда было подмечено, у туркмен особенно сильное стремление к образованию и когда школы в своем числе с 3 сразу увеличились до 14» (ГАСК. Ф.249. Оп.1. Д.81. Л.25.).

В конце XIX – начале XX вв. происходит открытие новых учебных заведений у ногайцев и калмыков. В 1898 г. при непосредственном участии главного пристава кочующих народов Е.М. Коневского для калмыков были открыты два одноклассных училища (ГАСК Ф.249. Оп. 1. Д.33. Л.4). В 1904 году у них функционировало уже 5 школ, впоследствии было открыто еще 8 одноклассных училищ и двухклассная школа. Для ногайцев до 1903 года функционировало лишь одно одноклассное училище. В 1906 – 1907 гг. в некоторых аулах были открыты одноклассные школы (12, с. 209).

В начале XX в. светские школы, создаваемые для кочевых народов, стали развиваться более успешно, они разительно отли-

чались от своих предшественниц. Так, по свидетельствам современника, «... школьные здания можно только похвалить, каждое из них имеет обширную классную комнату по 50 человек, достаточное количество парт и все необходимые учебные пособия» (11, с. 216). Развивались и изменялись методы обучения. Если раньше изучавшие русский язык кочевники «натаскивались на него механически», то впоследствии стал практиковаться новый научно-экспериментальный метод обучения. С.В. Фарфоровский описывает его так: «... дети знакомятся сначала не со словами, а с предметами, систематически расположенными для заучивания. За предметом идет уже знакомство с названием действий, чисел, местоимений. При этом усиливается и наглядность обучения, возбуждающая в детях любопытство и интерес к русской речи» (11, с. 219).

Огромную роль в приобщении степняков к русской культуре играли и библиотеки, которые стали повсеместно открываться при училищах. Появлялись и разработки новых учебных пособий для «иногородних школ». Так, С.В. Фарфоровский, рассматривая особенности развития школ степняков, подчеркивал: «Назрела большая потребность в составлении подходящей к пониманию учеников хрестоматии для чтения. Предполагается выработать хрестоматию силами самих же учителей, введя сюда национальные сказки, легенды, предания, заимствовав материал из области, близкой к учащимся» (11, с. 220). Безусловно, что осуществление подобных проектов способствовало более близкому знакомству восточнославянского населения с традициями, обычаями и духовной культурой степняков.

Таким образом, на территории степного Предкавказья – уникального мультикультурного региона – длительное время происходило культурное взаимодействие земледельческих и степных этносов. Переход степняков к оседлости способствовал усилению этого процесса, более интенсивными стали заимствования в сфере быта. Степняки перенимали навыки домостроительства. Новыми элементами обогатился комплекс одежды, а также значительно пополнился и пи-

щевой рацион кочевников и крестьянства. Приобщались к духовной культуре, знакомились с обычаями и традициями друг друга степняки и восточнославянские переселенцы через школу. Изменение хозяйственных и культурных форм быта степных народов, трансформация пространственных образов в культуре восточноевропейских переселенцев не привели к унификации культур, о которой мечтало европейское Просвещение и российские интеллектуалы. Их культуры, сохранив свою самоидентичность, стали базисами, на основе которых продолжают сосуществовать взаимодействующие, нередко вызывающие культурные трения, пограничные социокультурные области центрального Предкавказья.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский А. Начальные школы в приставских ставках у кочевых племен Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. – 1877. – № 10.*
2. *Архангельский А. Начальные школы в приставских ставках у кочевых племен Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. – 1877. – № 11.*
3. *Бентковский И.В. Историко-статистическое описание инородцев магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. – Ставрополь, 1883. Ч. 1.*
4. *Бентковский И.В. Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1869. Вып.2.*
5. *Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. – М., 1976.*
6. *Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. – Казань, 1898.*
7. *Курбанов А.В. Ставропольские туркмены. – СПб., 1995.*
8. *Маловичко С.И. Евроцентричная модель исторического знания в северокавказском историописании второй половины XIX – начала XX вв. // <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=otdel=4=4>.*

9. *Невская Т.А. Чекменев С.В. Ставропольские крестьяне. – Мин. воды, 1994.*
10. *Нефедьев Н. Подробные сведения о Волжских калмыках. – СПб., 1854.*
11. *Фарфоровский С.В. Народное образование среди калмыков большого Дербета в связи с их бытом и историей // Журнал министерства народного просвещения. – 1910. – № 6. Серия XXVII. отд. 3.*
12. *Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал министерства народного просвещения. – 1909. – № 12. Серия XXIV. отд. 3.*
13. *Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. – Тифлис, 1909.*
14. *Шестаков П. Еще несколько слов об образовании инородцев // Журнал министерства народного просвещения. Спб., 1867. Ч. CXXXV.*
15. *Эрдниева У. Калмыки. – Элиста, 1970.*

Об авторе

Шумакова Елена Викторовна, аспирантка кафедры историографии и источниковедения. Сфера научных интересов – история народов Северного Кавказа, локальная история, история пограничных областей.

